

Топография счастья: Этнографические карты модерна /
Сост. Н. Скорин-Чайков. М.: НЛО, 2013. 408 с.

Я сел за написание этой рецензии в прошлом году накануне майских праздников, когда ВЦИОМ опубликовал доклад под названием «Счастье — есть!». В нем сообщалось, что индекс счастья в 2014 г. в России достиг исторического максимума за последние четверть века. Социологи оценивают эти результаты скептически, утверждая, что все дело в пропаганде и эйфории от побед России в Сочи и Крыму. Лучшее эту мысль сформулировал ныне покойный Борис Дубин, заявив, что «людям давно хотелось победы. У кого-то, кто еще помнит СССР, сохранились приукрашенные воспоминания о той жизни, у других — мифология, сформированная родителями и СМИ. Эти чувства подкрепились победой в Сочи, а потом победоносным присоединением Крыма». Сюда же, отмечает он, прибавился образ внешнего врага — «в данном случае это украинские националисты и бандеровцы, которых никто не видел, и, конечно, американцы»¹. Никогда еще за последние пятнадцать лет экономическая ситуация в стране не была хуже (причем с определенно негативным среднесрочным и долгосрочным прогнозом), никогда еще международный авторитет страны за последние четверть века не был столь низким (Россия стремительно превращается в страну-изгой,

Евгений Александрович Добренко
Университет Шеффилда,
Великобритания
e.dobrenko@sheffield.ac.uk

¹ Евстифеев Д. Счастье взаимны // Газета.Ru. 2014, 30 апр. <<http://www.gazeta.ru/social/2014/04/30/6015469.shtml>>.

какой не был даже Советский Союз, имевший все же значительную поддержку в мире), никогда еще политический откат в советское прошлое внутри страны не был столь очевидным.

Если *это* вызывает прилив счастья, то следует задаться по крайней мере двумя вопросами. Во-первых, какова природа предмета рецензируемой книги? Действительно ли мы имеем дело с феноменом, который определяется личными установками, или с продуктом социальной инженерии, и если верно последнее, то как это согласуется с утверждением составителя о том, что «постсоветское счастье демонстративно индивидуалистично» (С. 7)? И, во-вторых, что понимается под «топологией счастья» и не следует ли идти по пути не столько топологизации, сколько темпорализации счастья? В конце концов, если материализация фантомов советского имперского величия в состоянии вызвать столь мощный прилив счастья в стране (несмотря на *объективные и даже не скрываемые* показатели упадка и маргинализации), это означает, что рассматриваемый феномен куда более зависим от социального конструирования, чем представляется. Если стремление в советское прошлое способно оказывать столь мощное влияние на самоощущение жителей страны, возникает вопрос о том, не следует ли видеть в «топографии счастья» всего лишь метафору: советское прошлое — это все же не столько топос (Советский Союз), сколько хронос.

Мне представляется, что вернее было бы говорить не о топологии, но о *хронотопах* счастья. Время (прошлое) здесь *и есть* пространство (СССР). В сущности, это соотносится с «главным тезисом» книги, как его формулирует Николай Ссорин-Чайков: «Счастье не просто временная категория, но такая, в которой время постоянно меняется на пространство» (С. 15–16). Но, во-первых, неясно, почему не наоборот, и, во-вторых, возникает вопрос, не имеем ли мы здесь дело со спекулятивной диалектикой, ведь понятно, что ностальгирующие по советскому времени граждане сегодняшней России не могут мыслить себя во времени вне пространства. Последнее явлено Советским Союзом. Не сочетание ли славы *советского времени* (Олимпийские игры в Сочи) с неким фантомным воспроизведением *советского пространства* (Крым) дали столь мощный толчок к росту индекса счастья в стране? Как бы то ни было, акцент на топологии представляется мне уводящим от сути дела, каковая все же сводится к неопределенности центрального понятия книги — счастья.

Едва ли не каждая из статей, включенных в сборник, содержит попытку определения счастья. Как правило, эти определения настолько беглые и расплывчатые и пересекают столь различ-

ные уровни (социальный, психологический, культурный, медиальный), что попросту растворяют сам феномен. Счастье как бы пристегивается к конкретным антропологическим / этнографическим сюжетам и результатам полевых исследований, представленным в книге. Единственное, что их объединяет, — то, что эти сюжеты носят позитивную коннотацию (молодость, свадьба, приобретения). Но возникает вопрос: не оказывается ли тогда счастье просто неизменным атрибутом *любой* «счастливой» темы? Иначе говоря, не означает ли это, что счастье — не более чем поворот определенного набора сюжетов? Условно говоря, каждый, кто пишет о свадьбах и молодости, с легкостью может перевести (и переводит) разговор на тему о счастье. Между тем сюжеты, связанные со старостью, травмой, насилием, смертью, утратой, по определению не могут оказаться частью подобной темы. Что же в этом случае является предметом исследования? Любые «позитивные» сюжеты повседневности?

Вступительная статья Ссори́на-Чайкова «делает» книгу. В том, что касается теоретического оснащения и концептуализации материала, она на порядок выше большинства остальных статей, авторы которых заняты своими конкретными сюжетами, лишь упоминая там и сям для привязки слово «счастье». Вводная статья придает (вернее было бы сказать, задает) сборнику не только концептуальное, но и структурное единство. Другое дело, что не все статьи дотягивают до заданной составителем планки. Одни из них слишком сфокусированы на своей теме и остаются сугубо внутри своего материала, другие слишком дескриптивны и просто не «дорастают» до заявленной темы. Хотя это частая проблема научных сборников, в данном случае разрыв показался мне слишком явным. Составитель указывает, что цель книги — «набросать в первом приближении этнографическую карту модерна как отражение погони за счастьем, как карту социального пространства, отмеченного его образами» (С. 7). Но хотя нам обещан компаративистский подход к счастью, не считая двух статей (Золотухина и Терешинной) о США, статьи (Лонга) об Индонезии и двух статей о хэппиэнде в литературе (Сапожниковой) и голливудских фильмах (Дауэр), две трети книги построено на сугубо российском материале. Компаративного анализа они не содержат, но лишь описывают (с разной степенью концептуализации) «свой» материал.

Именно в отборе этого материала (а не в тут и там появляющихся упоминаниях слова «счастье») и раскрывается понимание авторами темы. Но как описать нечто столь туманное, как счастье? Тут приходит на ум известная притча о слоне, которого ощупывали слепцы: один говорил, что это нечто толстое

и шершавое, другой — что тонкое и гибкое, третий — что твердое и изогнутое... Увы, все мы подобны персонажам этой старой суфийской притчи. Признаться, вопрос о том, что может пониматься под счастьем как предметом исследования, возник у меня не в связи с рецензируемой книгой. В 2006 г. я организовал в Ноттингемском университете конференцию о советском счастье, а в 2009 г. совместно с Мариной Балиной выпустил книгу, основанную на материалах той конференции [Petrified Utopia 2009]. Конференция и книга собрали прежде всего историков культуры. Так что темами были советское счастливое детство и детская литература, сталинские колхозные поэмы и советские рекламные плакаты, «Книга о вкусной и здоровой пище» и советские праздники, женское рукоделие и популярные журналы, сталинская архитектура, литература, фильмы (сталинские и оттепельные)... Словом, главным образом, сюжеты культурной истории. Дисциплинарный момент здесь представляется ключевым: мы исходили из того, что «советское счастье» есть культурный конструкт. Поэтому его материализация требует анализа культурных текстов, а не «практик повседневности». Анализ реального опыта возможен, когда предмет, его определяющий, ясен. Но когда это нечто ускользающее, не поддающееся определению, выбор объектов «опыта» просто подменяется «позитивными сюжетами» (которые все — удивительное дело! — о счастье) и, по сути, заменяет концептуализацию. Подобное нельзя сказать об артефактах: в отличие от повседневного опыта, они *уже содержат* в себе концептуальный стержень. Условно говоря, колхозная поэма, рисующая счастливую жизнь советского села, есть продукт моделирования счастья, его материализованный образ, подлежащий интерпретации, тогда как «реальное счастье» советских колхозников можно рассматривать сегодня только через воспоминания, из которых этот образ надо вылущивать, а для этого необходимо определенно знать, что ищешь. С этим-то и возникает проблема.

Вся теория, интересно прописанная и историзированная, остается во вводной главе, а дальше следуют статьи, описывающие, как через рекламу обладания автомобилем формируются в постсоветской России капиталистические ценности, какую роль играют карманные деньги в воспитании детей в США, как организовываются семинары в сетевом маркетинге на материале одной американской компании, как изображается счастье в постсоветских телесериалах, как воспринимают сегодня свое прошлое строители БАМа 1970–1980-х гг., как меняется свадебный ритуал во «Дворцах счастья», как представляют свое будущее эвены Северо-Восточной Сибири, как строится реклама банков в Екатеринбурге и т.д. В большинстве своем это

добротные и интересные по материалу антропологические, этнографические и социологические штудии. Да, они *и о счастье тоже*, но объединяет их всего лишь позитивная коннотация сюжетов. Счастье здесь — широкая крыша, под которой все это можно собрать воедино. Но само понятие от этого яснее не становится.

Видимо, понимая это, Ссорин-Чайков снижает порог ожиданий, заявляя, что как этнограф он предлагает «зафиксировать не то, *что* есть счастье, а то, что *существуют* люди, которые задаются этим вопросом» (С. 8). Но право же, этим вопросом человечество задается уже не первую тысячу лет, и для того чтобы *это* «зафиксировать», книги писать не нужно. Поэтому мне представляется, что заявка на то, что этот «главный тезис» якобы «формирует главную аналитическую ось глав данной книги» (С. 15), осталась скорее намерением. Иное дело — «индустрия счастья», о которой говорится во введении (С. 10). Это куда более определенный предмет, и о нем интересно говорится во многих статьях книги, но, повторюсь, это относится не столько к топографии счастья, сколько к производству социальных символов.

И в самом деле, достаточно обратиться к различным текстам всех трех разделов книги, чтобы убедиться в том, что в большинстве статей, написанных в целом на очень хорошем уровне, интересных и разнообразных по материалу, тема счастья, в сущности, является периферийной. В трех статьях первой части, посвященной «американской мечте», рассматриваются скорее социологический и экономический аспекты темы, их авторы настолько сфокусированы на своем материале, что обращаются к вопросу о счастье лишь по касательной. Так, статья Кононенко о рекламе приобретения машин в постсоветской России имеет отношение к теме счастья прежде всего потому, что само приобретение автомобиля (как и любое приобретение) легко ассоциировать со счастьем (в отличие, например, от потери, угона или аварии). Можно, разумеется, сказать, что речь здесь идет о счастье, но, сказать по правде, в центре внимание автора вовсе не оно, а социология рекламы (которая, разумеется, апеллирует к счастью обладания машиной). Иначе говоря, о счастье заходит речь, когда тема поворачивается именно «производственной» стороной (имея в виду «производство счастья»). Статья Золотухиной о том, на что американские дети получают карманные деньги и как это влияет на формирование трудовой этики в будущем, конечно, легко привязывается к теме счастья (которое, как известно, в труде).

Статьи второй части «Романс о советскости» также посвящены то маркетингу (Пискунова, Янков), то воспоминаниям о моло-

дости (которая, как известно, всегда счастливая), то мечтам о будущем (которые тоже о счастье — а о чем еще можно мечтать?). Но определить, в какой точке проходит граница между представлениями о будущем детей-эвенков (возвращаться в город или на стойбище) и проблемой счастья, невозможно. В сущности, любое само-моделирование будущего связано с надеждами и некими позитивными представлениями. Но значит ли это, что, описывая интересный сам по себе материал, достаточно сказать, что это не просто процесс формирования социальных ожиданий, но «карта поиска счастья, созданная в воображении эвенских детей и подростков из оленеводческого поселка на северо-востоке Якутии» (С. 218), чтобы все это превратилось в обсуждение проблемы счастья? Раскрывает ли тему счастья статья, где интересно и теоретически обоснованно рассматривается использование советских символов и дискурса с их обыгрыванием в рекламе банка, только оттого, что апелляция к советскому прошлому означает выстраивание образа «гарантированной схемы счастливого контроля над реальностью» (С. 235), притом что собственно о счастье в этой статье ничего больше не говорится?

Наконец, в третьей части «Свадьба и счастливый конец» речь идет о различных аспектах свадебной индустрии, но понять, например, из интересной статьи Сосниной, как «фото на память» связано со счастьем, я так и не смог. Понятно, что свадьба — это счастливый момент в жизни молодоженов, но как связан выбор мест для фотографирования со счастьем, никак не объясняется. Почему-то эти места называются «местами счастья» (С. 279, 281). Каким образом комеморативные места, связанные со смертью, — Вечный огонь в Москве, Храм Спаса на Крови в Питере, могила Канта в Калининграде — оказались «местами счастья» (каковыми их никто и никогда не зовут), объяснить просто, и объясняется это во многих статьях. К месту и не к месту приклеивается ярлык «счастье», и текст становится как будто «на тему», тогда как в фокусе авторов находятся совсем иные сюжеты.

И все же не во всех статьях счастье «привязано» к материалу. Некоторые тексты прямо рассматривают эту тему. Это статьи Лернер о счастье в любви в постсоветских телесериалах, Сапожниковой — о счастливых финалах в англоязычной литературе, Дауэр — о хэппи-энде голливудских фильмов. Здесь тема счастья находится в центре рассмотрения. Она не «привязана» к материалу, но исходит из него. К топографии, впрочем, тексты эти отношения не имеют. И здесь я возвращаюсь к дисциплинарному аспекту, который затронул вначале. Выходит так, что там, где счастье рассматривается, казалось бы, *прямо* — в аспекте практики, опыта и повседневности, т.е. антрополо-

гически, этнографически, социологически — тема осталась не проясненной и по сути маргинализованной. А там, где оно рассматривается как культурный продукт, т.е., казалось бы, *опосредованно* — через разные формы медиальной репрезентации, т.е. культурологически, литературоведчески, киноведчески — феномен счастья оказался в фокусе и по крайней мере проанализирован. Думается, дело здесь не только в качестве исполнения, но в природе самого предмета книги и в соответствующих дисциплинарных параметрах, в которых он рассматривается. Счастье — сложный культурный конструкт, который, разумеется, имеет множество выходов в сферы жизненной практики — индивидуальной психологии, социального опыта, повседневной жизни. Но ухватить его там очень сложно, поскольку он в самой практике не сформулирован, а вне ее, теоретически, не конструируется. Иное дело — сфера культуры, где этот феномен материализован и дан концептуализированным, готовым, оформленным, т.ч. остается его читать и интерпретировать через культурный текст. По крайней мере, как показывает опыт этой книги, понять и прояснить феномен счастья, оставаясь в сфере практики, куда сложнее, чем пребывая в сфере культуры.

Библиография

Petrified Utopia: Happiness Soviet Style / Ed. by M. Balina, E. Dobrenko. L.; N.Y.: Anthem Press, 2009. 307 p.

Евгений Добренко

Review of N. Ssorin-Chaykov (comp.). *Topografiya schastyia: Etnograficheskie karty moderna* [The Topography of Happiness: Ethnographic Map of the Modern]. Moscow: NLO, 2013. 408 pp.

Evgeny Dobrenko

Department of Russian and Slavonic Studies
University of Sheffield, School of Languages and Cultures
Jessop West, 1 Upper Hanover St., Sheffield S3 7RA, UK
e.dobrenko@sheffield.ac.uk

This review of the *The Topography of Happiness: Ethnographic Maps of the Modern* evaluates the quality of the contributions that represent anthropological or sociological analysis of various “positive topics,” mainly in the post-Soviet context with several comparative cases. The book is criticized for its inconsistent theoretical treatment of the

subject, which is only conceptualised in the editorial introduction, while other contributors mainly just mention happiness briefly to make a connection with their particular research topics. The review points out the differences between how the various texts tackle the topic, concluding that happiness is much more difficult to understand in the field of practise as opposed to the field of culture, where it is already medialised as a cultural product.

Keywords: happiness, ethnographic map of the Modern, “the industry of happiness”, “American dream”.

References

Balina M., Dobrenko E. (eds.), *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*. London; New York: Anthem Press, 2009. 307 pp.